
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIOLOGICAL RESEARCHES

УДК 316.334.56

ДРУЖЕСТВЕННОСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В РАКУРСЕ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾, А. Г. ФИЛИПОВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, 8, 690090, г. Владивосток, Россия

Проводится социологический анализ городской среды с использованием ключевых положений структурного функционализма. Дан обзор современных теоретических подходов к пониманию дружелюбности городской среды, обозначаются их преимущества и недостатки. Обосновывается целесообразность применения структурно-функционального анализа как методологического принципа эмпирического изучения города. Рассматривается постсоветский город как социокультурная система, анализируются причины и последствия появления в ней дисфункций. Конструируется авторская функциональная модель дружелюбной городской среды, которая позволяет преодолеть существующие ограничения эмпирического измерения качества городской среды, а также может лечь в основу построения универсальной системы принципов проектирования города.

Ключевые слова: город; городская среда; структурно-функциональный анализ; постсоветские города; функции городской среды; дружелюбная городская среда.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта БРФФИ (договор № Г18Р-241 от 01.06.2018 г.) и гранта РФФИ (проект № 18-511-00019); тема исследования «Дружелюбность среды постсоветских городов к детям и молодежи: компаративный анализ белорусских и российских кейсов».

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ, Филипова АГ. Дружелюбность городской среды в ракурсе структурно-функционального анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2:44–53.

For citation:

Lebedeva EV, Filipova AG. Urban environment friendliness in the perspective of a structural functionalism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:44–53. Russian.

Авторы:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Александра Геннадьевна Филипова – доктор социологических наук, доцент; профессор департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук.

Authors:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations, faculty of journalism.

elena_lebedeva_bsu@tut.by

Aleksandra G. Filipova, doctor of sciences (sociology), docent; professor at the department of social sciences, School of Arts and Humanities.

alexgen77@list.ru

URBAN ENVIRONMENT FRIENDLINESS IN THE PERSPECTIVE OF A STRUCTURAL FUNCTIONALISM

E. V. LEBEDEVA^a, A. G. FILIPOVA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bFar Eastern Federal University, 8 Sukhanova Street, Vladivostok 690090, Russia

Corresponding author: E. V. Lebedeva (elena_lebedeva_bsu@tut.by)

The article is devoted to the sociological analysis of the urban environment in the perspective of the structural functionalism theory. A review of modern theoretical approaches exploring the post-soviet cities environment friendliness is given with evaluating their advantages and disadvantages. The expediency of the use of structural-functional analysis as a methodological principle of empirical study of the city is substantiated. The post-Soviet city is considered as a sociocultural system, the causes and consequences of the appearance of dysfunctions in it are analyzed. An original author's functional model of a friendly urban environment is constructed, which allows to overcome the existing limitations of an empirical measurement of the quality of the urban environment, and can also form the basis for building a universal system of principles for designing a city.

Keywords: city; urban environment; structural and functional analysis; post-soviet cities; functions of the urban environment; friendly urban environment.

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the BRFFR grant (contract No. G18R-241 dated 06/01/2018) and the grant of Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-511-00019); the research topic «Friendliness of the environment of post-Soviet cities to children and young people: a comparative analysis of Belarusian and Russian cases».

Введение

Скорость развития техники в последние десятилетия значительно превышает скорость развития человеческого мышления, в результате чего человек становится ресурсом для техники, средством поддержания «жизни» технических приспособлений. Похожие процессы наблюдаются и в развитии современных городов (особенно мегаполисов), которые, разрастаясь до запредельных размеров, перестают удерживаться в исследовательском понимании как единое целое, как управляемый человеком комплекс, ответственность за который несет человек [1]. Для описания такого явления Л. Мамфорд предложил термин «мегамашина» – конструкция, в которой утеряна позиция удержания целого и ответственности за целое. В результате сама эта конструкция становится единственным субъектом целеполагания, а люди превращаются в ресурс поддержания деятельности мегамашины [2, с. 250]. Мамфорд видел прямую зависимость превращения города в мегамашину от его величины: человеческое мышление уже не в состоянии вместить мегаполис в его целостности и сложности, поэтому наступает потеря управляемости, городская система начинает «руководить собой самостоятельно», через разрозненную активность отдельных субъектов и стихийно складывающихся внутренних процессов. При этом город перестает выполнять собственно гуманитарные, человеческие функции: способствовать развитию личности, транслировать культуру, создавать новые смыслы и т. п.

Следовательно, для того чтобы противостоять перерастанию городов в мегаполисы, необходимо

ограничивать их рост, оставлять соразмерными человеку и социальным связям, предполагая, что в таком случае города будут оставаться управляемыми. Определенный смысл в этом есть, однако на практике такой подход трудно осуществим, так как количественный рост и усложнение структуры – неотъемлемое свойство самого процесса урбанизации. Кроме того, в мегамашины могут превращаться (и превращаются) не только гигантские мегаполисы, но и просто крупные или даже средние города (любой промышленный моногород фактически представляет собой источник ресурсов для поддержания деятельности градообразующего предприятия). Значит, дело не только в размере. Американский географ и урбанист Э. Сойа, анализируя особенности производства пространства современных городов, видит причину возникающих дисфункций в природе самих капиталистических отношений как экономической базы существования города. Капитализм, по его мнению, отличается «неравномерным развитием», порождая неизбежный дисбаланс между экономически развитыми и отсталыми районами, обеспечивающими резерв как рабочей силы, так и рынков сбыта, по сути, разделяя город на «продавцов и покупателей» [3, р. 176]. Город неизбежно начинает восприниматься не как «место для людей» или «пространство для жизни», а как «машина роста», источник для получения прибыли (чаще всего краткосрочной). В конечном счете это приводит к появлению густонаселенных микрорайонов, застроенных однотипными зданиями

ми с большим количеством гомогенных (гладкие стены) и агрессивных (ряды одинаковых элементов) визуальных полей, уплотнению устоявшихся жилых территорий, предпочтению многоэтажной застройки и т. п. Вышеперечисленные архитектурные приемы превращают градостроительство в один из мощных инструментов социально-территориальной сегрегации населения, приводят к эффекту психологического подавления человека, интенсифицируют негативные черты городской жизни (безразличие горожан друг к другу, потребительское отношение к городу, ослабление чувства личной ответственности, изоляция индивидов, утрата идентификации с городом). Возможно, капитализм не идеальная форма организации общественных отношений, однако это реальность, с которой сегодня приходится считаться. Кроме того, приток капитала в город способен сделать его лучше, создавая и развивая общественные пространства, сохраняя архитектурные памятники, поддерживая гражданские инициативы.

Решением данной проблемы может стать *внедрение в процесс управления городом принципов человеческой целостности и приоритета человеческих потребностей*. Понимание города в духе антропоцентрического подхода означает, что главная ценность городской среды – это развитие человеческого капитала (который, в свою очередь, легко конвертируется в экономический, культурный, технологический и другие виды капитала). Метафорически город можно представить как банк для хранения и приумножения человеческого капитала. Соответственно, «надежность банка» *определяется*

качеством городской среды, ее дружелюбностью по отношению к человеку.

Несмотря на популярность городских исследований, сохраняющуюся на протяжении последнего десятилетия, по-прежнему существует недостаток работ, посвященных измерению качества городской среды. Пока все еще не выработано четкого определения понятия «дружественная городская среда», а используемые смысловые значения данного термина могут существенно различаться в зависимости от контекста. С другой стороны, употребляется множество различных по звучанию, однако сходных по смыслу определений: «дружественная городская среда», «доброжелательная городская среда», «город гармоничного развития» и т. п. Кроме того, нет универсального подхода к выделению критериев измерения дружелюбности городской среды, что значительно затрудняет проведение сравнительного анализа этого явления, вносит субъективизм в построение любых рейтингов городов или жилых районов с точки зрения качества городской среды.

Исходя из этого, сформулируем задачи статьи.

1. Систематизировать подходы к измерению качества городской среды, выделить наиболее универсальную методологию эмпирического изучения дружелюбности города.

2. Выделить особенности постсоветской городской среды, проанализировать причины и последствия появления в ней дисфункций.

3. Сконструировать универсальную модель дружелюбной городской среды, способствующей устойчивому развитию.

Теоретические основы исследования

Можно выделить три основных теоретических подхода к трактовке термина «дружелюбность городской среды».

1. *Урбанистический подход* делает акцент на физических, территориальных характеристиках городской среды, придавая первостепенную важность масштабу городской застройки, экологии и возможностям для мобильности.

2. *Социопсихологический подход* концентрируется на изучении процессов взаимовлияния окружающей среды, особенностей личностного становления и развития, появления устойчивых, повторяющихся моделей поведения, формирования новых смыслов и ценностей в городском социуме.

3. *Управленческий подход* ставит во главу угла специфику взаимодействия общества, государства и бизнеса как источник гармонизации городской среды и способ уменьшить негативное влияние города на индивида.

Рассмотрим суть вышеперечисленных направлений.

Дружелюбность рассматривается в урбанистике с точки зрения физических параметров городской среды (зеленые насаждения, доступные объекты инфраструктуры, освещенность, удобные для перемещения улицы и т. п.). Дружелюбный город (или город гармоничного развития) представляется как совокупность следующих принципов: комфорт (удобство для жизни, доступность, безопасность), экология (минимизация негативного воздействия на окружающую среду), устойчивая мобильность (развитая система общественного транспорта, пешеходная и велосипедная инфраструктура), а также участие горожан в принятии решений, касающихся преобразования городской территории. Известный датский архитектор и консультант по городскому дизайну Ян Гейл пишет о том, что «пропорции человека, его чувства и его мобильность – ключевые понятия качественного городского планирования, ориентированного на людей» [4, с. 59]. «Человеко-размерные» города дают дружелюбный посыл, обещают возможность социального взаимодействия,

«оживляют» город, превращая его в саморазвивающуюся экосистему. Ключевую роль во многих урбанистических концепциях играют именно улицы: «Если улицы города интересны на вид, интересен на вид и сам город, если скучны – он скучен... если люди жалуются, что город или определенный его участок опасен, они прежде всего не чувствуют себя в безопасности на его улицах» [5, с. 49]. Чем лучше городские улицы будут приспособлены для комфортного взаимодействия индивидов, тем более они будут оживленными и, следовательно, безопасными, тем более живой и дружелюбной представляется городская среда. С этой задачей могут справиться как подobaющий внешний вид улицы (наличие уличных кафе, удобных скамеек, прогулочных зон), так и разнообразная событийная наполненность (выступления уличных музыкантов, работа уличных художников и т. п.).

Социопсихологический подход исследует город преимущественно как пространство социализации. Подобные темы исследования стали появляться относительно недавно, примерно во второй половине XX в. Зонирование городской среды (разделение сфер дома, работы и досуга), доминирование автомобильной культуры, ослабление института локальных сообществ (как реальных, так и воображаемых), отделение «детской» жизни от «взрослого» мира (исключение детей из общественно-полезной деятельности взрослого населения, когда «детство воспринимается не как полноценная жизнь, а как подготовка к жизни» [6, с. 133], вынесение задач по развитию и воспитанию детей за пределы семьи – все это привело к появлению в больших городах специфических условий для становления и развития личности, кардинально отличных от тех, что столетиями существовали в традиционных (сельских) типах обществ. Это привлекло внимание большого числа исследователей в сфере психологии развития, социологии детства, социологии семьи, городской социологии. Городские районы (в том числе и вполне благополучные) стали описываться исследователями как «перенаселенные, небезопасные и экологически неблагополучные среды», имеющие ограниченные возможности для детской мобильности, игры, отдыха и обучения [7, р. 5], способствующие «хронической детской физической бездеятельности» [8, р. 195] и усилению надзора со стороны взрослых [9]. Появились работы, посвященные поиску взаимосвязи между благополучием детей и спецификой городской территории; были сформулированы эмпирически измеряемые индикаторы дружелюбности городской среды. В качестве таковых предлагались активная роль детей в местных сообществах; признание за ними права голоса; обеспечение безопасных мест для игры в непосредственной близости от места проживания; активное участие соседских сообществ в заботе о детях; наличие возможностей для творческого

развития, самореализации и неформального образования; развитие необходимой инфраструктуры (в том числе и информационной) для семей с детьми и т. д.

Наконец, управленческий подход лежит в основе различных международных инициатив и программ, ориентированных на поиск стратегии гармонизации городской среды через объединение усилий городских властей и локальных сообществ. В отличие от двух предыдущих управленческий подход не является оформленной теоретической парадигмой, он представляет собой скорее перечень методических рекомендаций по преобразованию городской среды и инструментов для эмпирической оценки достигнутых результатов.

Рассмотрим этот подход на двух примерах: инициатива ЮНИСЕФ «Город, дружелюбный детям» (*Child friendly cities initiative*) и инициатива ЮНЕСКО «Глобальная сеть обучающихся городов». «Город, дружелюбный детям» – это своего рода концепция местного государственного управления, направленная на реализацию основных положений Конвенции о правах ребенка на уровне города и его районов при помощи развития партнерских отношений между городскими властями, учреждениями образования и здравоохранения, общественными объединениями. При этом центральная идея заключается в участии детей и молодежи в принятии управленческих решений, касающихся городской жизни (реализуется через детские и молодежные парламенты/советы). Дружелюбная городская среда, согласно нормативным документам, регламентирующим реализацию данной инициативы, должна формироваться в результате усилий по повышению уровня правовой культуры детей и молодежи; профилактике противоправного поведения; распространению принципов здорового образа жизни; экологическому воспитанию; уменьшению случаев дорожного травматизма; противодействию насилию в отношении детей и молодежи [10]. Фактически под дружелюбностью города понимается скорее его безопасность, а также доступ к базовым ресурсам и услугам (чистый воздух, жилье, образование, здравоохранение, отсутствие угрозы насилия и пр.). При этом основной интерес для инициативы представляют дети и подростки из социально уязвимых категорий (из неблагополучных и неполных семей, имеющие проблемы с законом, практикующие рискованное поведение).

Если первая инициатива рассчитана на детей и подростков, то «Глобальная сеть обучающихся городов», созданная Институтом ЮНЕСКО по обучению на протяжении всей жизни, фокусируется на улучшении городских условий для жизни взрослых [11]. Ее главная задача – формирование социальной сплоченности и инклюзии как основы устойчивого экономического, культурного и социального раз-

вития города. В качестве ключевого ресурса предлагается использовать образование, а именно стратегию обучения на протяжении всей жизни (*lifelong education*). В данном случае под дружественностью городской среды подразумевается ее *организационный и культурно-образовательный потенциал*. Предлагаются следующие критерии для его измерения: возможность участия горожан в общественной жизни; отношение к окружающей среде и природным ресурсам; внедрение в городскую жизнь

инновационных технологий; проведение в городе мероприятий, направленных на поддержку и популяризацию обучения; возможности неформального образования с использованием информационно-коммуникационных технологий; уровень толерантности и терпимости к различиям; степень вовлечения в образовательный процесс смежных элементов культурного пространства города (СМИ, библиотек, музеев, спортивных и культурных центров, публичных пространств и пр.).

Результаты и их обсуждение

При всем многообразии вышеперечисленных теоретических подходов к пониманию дружественности городской среды в каждом из них упускаются какие-либо важные моменты, и поэтому они не могут служить универсальной методологической основой для измерения дружественности. С учетом новых ограничений попробуем предложить решение сложившейся проблемы.

Слабость урбанистического подхода заключается в том, что нередко он ограничивается преобразованием «материального» тела города, которое, безусловно, очень важно, однако не является единственным источником социальных перемен – в результате вместо «проектирования шага ближайшего развития конкретного города предлагаются образцы дизайнерских и транспортных решений, которые стали итогом развития западных городов» [1] в расчете на то, что в европейской городской среде «само собой» сформируется европейское городское сообщество. Между тем процесс «производства пространства» гораздо сложнее и предполагает многообразное, разнонаправленное взаимное влияние города и горожан друг на друга. Социопсихологический подход воспринимает город как данность, как уже существующие условия, в которых происходит становление личности, и выводит за рамки изучения агентов формирования городской среды, рассматривая горожанина как потребителя дружественной либо недружественной городской среды. В результате этого остается открытым вопрос о возможности выделения универсальных критериев измерения дружественности: городская среда представляется как уже сформированная, следовательно, для изучения каждого конкретного ее состояния необходим собственный набор критериев. Усложняет эту задачу и невозможность однозначной операционализации ряда важных элементов дружественности (например, отсутствие риска насилия или включенность в жизнь городского сообщества). Управленческий подход делает акцент на коммуникации между ключевыми субъектами, ответственными за развитие города, – властью, бизнесом, локальными сообществами. Это, безусловно, важное условие понимания истоков дружественности городской среды, однако это сдвигает

фокус в сторону внешнего, управленческого воздействия на город (что должно сделать государство, что должны сделать инвесторы), уходя в сторону от анализа обычной, повседневной жизни горожан, их личной активности. Кроме того, в силу международного происхождения данного подхода в нем слабо выражена культурно-историческая специфика, не учитываются особенности конкретных городов, предлагаются усредненные, «общемировые» принципы и критерии.

Решением существующих проблем, заключающихся во фрагментарности описания и эмпирической оценке дружественности городской среды, может стать использование *структурно-функционального подхода* как универсального логического инструмента, описывающего взаимодействие общества, личности и культуры. Проиллюстрируем его возможности на примере анализа дружественности городской среды.

Если рассматривать человеческую историю как последовательно разворачивающуюся во времени системную архитектуру, то замыкать ее будет город как самоорганизующаяся система, построенная на сложной совокупности обратных связей, непрерывно стремящаяся к гомеостатическому состоянию, балансу внутренней системности и внешней среды, городской территории и городского пространства. Города обладают рядом специфических особенностей: сложная социально-стратификационная система, широкие рамки социального взаимодействия, высокая интенсивность информационных потоков, культурно-духовное многообразие и пр. Поведение горожан детерминировано не только и не столько статусной нормативностью (положением в социальной иерархии), но и нормативностью, формирующейся в сообществах и субкультурах, – городской идентичностью, которая представляет собой территориальную идентичность, возникающую из совместной жизни в плотных и гетерогенных городских областях, что можно назвать «пространственным своеобразием урбанизма» [3]. Акторами городской жизни являются мужчины, женщины, пожилые люди, владельцы собак, подростки, родители маленьких детей, велосипедисты, представители творческой интеллиген-

ции и т. д. (данные характеристики складываются в бесконечное множество разнообразных сочетаний), которые в рамках одной культурной среды стремятся удовлетворить свои потребности (реализовать свое «право на город»). Городская среда представляет собой подвижное образование – бесконечное множество разнообразных и разнонаправленных взаимодействий и взаимоотношений индивидуальных акторов, протекающих во множестве постоянно меняющихся ситуаций. При этом одни и те же акторы в различных ситуациях взаимодействия могут руководствоваться различными потребностями и преследовать различные цели. В свою очередь, это влияет и на ожидаемые ответные действия других, и на восприятие формируемого городского пространства. Например, отношение к большому количеству людей, собравшихся на городском празднике, будет значительно различаться в зависимости от тех целей, которые преследует в данный момент времени каждый конкретный человек: получить доступ к ограниченным ресурсам или ощутить причастность к чему-то грандиозному, погрузиться во всеобщее веселье.

Используя терминологию Т. Парсонса [11], можно сказать, что принципиально важным моментом является взаимодополнительность ожиданий, что позволяет от конфликта интересов перейти к кооперации горожан.

Как считает А. Лефевр [13], изменения на городской территории вызывают изменения в городском пространстве и наоборот. Так, горожане преобразуют городской ландшафт, адаптируя его в соответствии со своими потребностями (например, улицу Октябрьскую в г. Минске). Перемены во внешнем облике городской территории также могут влиять на поведение горожан, вызывая как положительные эффекты (например, популярность дополнительного образования, связанная с появлением так называемых открытых пространств), так и отрицательные (рост равнодушия и отчужденности жителей друг к другу на фоне уплотнения городской застройки). Следовательно, городскую среду можно представить как взаимосвязанное единство территории (географический ландшафт, архитектурная застройка, доступная инфраструктура) и пространства (люди и события) (рис. 1).

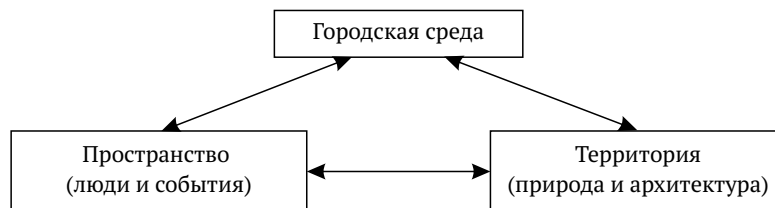

Рис. 1. Городская среда как единство территории и пространства

Fig. 1. Urban environment as a unity of territory and space

С учетом способности к самоорганизации любая ситуация взаимодействия в границах городской среды может быть описана как «интегральное целое» (иначе бы город «распался» на миллионы отдельных атомов). Значит, составными частями города как динамической системы являются не отдельные функциональные единицы, а культуры как относительно интегрированные системные образования.

Иными словами, городская среда представляет собой определенный культурный срез, функциональное единство различных культурных форм, представленных как в территориальном (физическом), так и в пространственном (социальном) выражениях.

Безусловно, каждый регион и каждый город обладает своим уникальным культурным срезом (поскольку представляет собой неповторимую смесь различных исторических событий, архитектурных форм, культурных и политических артефактов и т. п.). Однако, отбросив влияние случайностей, можно выделить общие черты в регионе, сформированном под воздействием общих внешних факторов.

Полагаем, что постсоветский город в разрезе представлен тремя совершенно самостоятельными культурными сферами:

- *советской сферой* (архитектурный модернизм, соединенный с исторической спецификой урбанизации, – переселение рабочей силы из деревень, акцент на промышленную роль города и т. п.);
- *западноевропейской сферой* (результат сначала экономической, а затем и культурной глобализации);
- *сферой культурного взаимодействия* (образовавшийся синтез культур прародительниц – советской и западноевропейской, – имеющий свои уникальные черты, не свойственные первым двум сферам).

Рассмотрим названные культурные сферы подробнее.

Характерными чертами советского города (как образца архитектурного модерна) являлись унифицированные пространственные паттерны, примерно одинаковая плотность застройки, равномерное распределение сооружений культурно-бытового обслуживания. Сегрегация как социальное различие была невозможна, не существовало таких

понятий, как «престижный район» или «этническое гетто». Разумеется, на практике встречались исключения (к примеру, эксклюзивный доступ к определенным местам городского пространства высокостатусных групп советского общества), однако в целом доминировала идеология социального равенства и приоритета производственных интересов. Городская среда была значимым символическим инструментом трансляции необходимой идентичности и коллективной памяти, доминирующих идеологических и политических ценностей. Архитектурные ансамбли центральной части советских городов стремились «создать идейно-художественный образ большой впечатляющей силы» [14, с. 10], что воплощалось как в проектировании (значительные размеры, монументальные пропорции), так и в дизайне (большое количество политических символов). Проведение различных парадов, митингов и демонстраций считалось главной функцией общественного центра, а неконтролируемые и неуправляемые собрания людей в центральных открытых пространствах были, напротив, нежелательны (чему способствовал сам их внешний вид – огромные площади, прямые протяженные проспекты, хорошо подходящие для организованного движения демонстрантов и абсолютно не пригодные для комфортного неформального общения).

Безусловно, советское городское планирование предусматривало также широкий набор возможностей для отдыха и активного образа жизни горожан (различные парки, катки, спортивные площадки и т. п.). Однако их существование позиционировалось скорее как необходимый элемент социалистического образа жизни, как забота государства о своих гражданах, а не как возможность для развития локальной активности и местного самоуправления, самостоятельного освоения городской территории, реализации «права на город». В результате публичное пространство постепенно сместилось с центральных улиц, проспектов и городских парков в неформальные части советского города (жилые дворы и примыкавшие к ним зеленые зоны), которые выступали в качестве «сцены для социального действия», позволяли горожанам взаимодействовать друг с другом, способствовали социализации подрастающего поколения, устанавливая негласные правила сосуществования.

Произошедшие после падения советской системы перемены преобразили внешний облик советских городов, наделив их такими западноевропейскими элементами инфраструктуры, как деловые районы, торговые и пешеходные улицы, торгово-развлекательные центры. Запустились процессы приватизации и коммерциализации городского публичного пространства, социоэкономической поляризации общества (в том числе маргинализации его отдельных элементов), значительно трансформировалась и система ценностных ориентаций

горожан. В результате смены экономической базы городская идентичность начала формироваться вокруг процессов потребления (а не производства, как было раньше). Географическая конфигурация города также переформировалась вокруг новых «узлов», в качестве которых выступили разнообразные пространства потребления (торговые центры, «барные» улицы, многочисленные кафе и кофейни). Публичная жизнь постепенно начала смещаться от периферии к центру, однако смысл ее кардинально изменился: в основе любого взаимодействия лежали потребительские практики (выбор еды, одежды, досуга, идентичности и т. п.).

Две культуры (советская и западная) тесно переплетаются друг с другом в границах городской среды, формируя так называемую *сферу взаимодействия*. А. Лефевр полагал, что нет одного социального пространства, а есть бесконечное множество различных социальных пространств, которые проникают и/или накладываются друг на друга [13, с. 97]. При этом пространство способно что-то принимать в себя, а что-то отбрасывать. Если «стираются» части пространства, выполняющие важные социальные функции (например, социализации или идентификации), то их нагрузка распределяется на другие элементы. Р. Мертон называет такое явление латентной функциональностью [15, с. 146]: например, когда досуговую функцию начинают выполнять элементы публичного пространства, изначально для этого не предназначенные, – фойе торговых центров).

Если представить себе динамику культурных взаимодействий в границах городской среды как дискретное, точечное движение, то каждое состояние взаимодействия в единицу времени можно описать в понятиях различной степени интеграции, приняв за крайние точки абстрактные состояния полной аккультурации или полного деструктивного конфликта. Успех такого взаимодействия зависит от того, насколько точно учтены потребности горожанина как объекта воздействия городской среды. Потребности в данном случае аналогичны производящим причинам: люди поступают определенным образом, поскольку они движимы личными целями. Но их действия структурируются различными внешними факторами: властью и законом, существующими обычаями и традициями, природным и архитектурным ландшафтом, историческим багажом, доминирующими ценностями, доступными ресурсами, объемом располагаемого капитала и т. п.

Как было отмечено ранее, в советском городе общественный центр (на формальном уровне) и дворовая территория (на неформальном) выполняли функции социализации и идентификации. Именно эти элементы городской среды отвечали за трансляцию доминирующих социальных и политических символов и ценностей, при этом

влияние «альтернативной» (дворовой) публичной сферы было значительно сильнее, чем «официального» общественного центра города [16]. В постсоветских городах дворовая территория постепенно приходит в запустение. С одной стороны, этому способствует появление разнообразных возможностей проведения досуга в центральной части города (прежде всего в многочисленных пространствах потребления), а с другой стороны – ухудшение качества самих жилых дворов (преобладание высотной застройки, уплотнение устоявшихся районов, резкий рост числа автомобилей и т. п.). В результате такие задачи советской городской среды, как формирование идентичности, трансляция идеологических ценностей, объединение поколений и т. п., постепенно уходят в прошлое. При этом сильное местное самоуправление и устойчивый институт локальных сообществ, свойственный западноевропейским городам, не формируется (так как ни «бывший советский центр», ни современные пространства потребления, ни опустевшие жилые дворы для этого просто не подходят). Нарастает атомизация, социальная сегрегация и индивидуализация публичного пространства, социальное (связующее) значение которого значительно ослабевает, а идеологический аспект городской среды постепенно заменяется гедонистическим: наиболее важными функциями публичного пространства становятся развлекательная и рекреативная (в довольно узком ее понимании – как возможность «отдохнуть»

и «расслабиться») [17]. Иными словами, можно говорить о *дисфункциях городского развития*.

Сложность подобных дисфункций заключается в том, что их крайне сложно исправить при помощи внешних (дизайнерских) решений по преобразованию городской среды. В соответствии с терминами В. О. Глазычева [18] в данном случае меняется лишь «форма города», тогда как его сущность остается прежней: «В результате вместо решения реальных проблем, вместо проектирования шага ближайшего развития конкретного города предлагаются образцы дизайнерских и транспортных решений, которые стали итогом развития западных городов» [1]. А нужно начинать не с городской среды, а с человека, так как социальное проектирование должно предшествовать градостроительному.

Решить данную задачу можно при помощи построения функциональной матрицы городской среды.

Культурное удовлетворение первичных потребностей налагает вторичные или производные императивы [19, с. 324]. По аналогии с этим можно предположить, что существуют *базовые функции городской среды*, исключительно важные для поддержания жизнедеятельности города как единого целого, а также вторичные (производные от базовых), выполнение которых позволяет судить о развитии города, качестве городской среды и ее друженности.

На основе сказанного *иерархию функций городской среды* можно представить в виде модели (рис. 2):

Рис. 2. Социальные функции городской среды

Fig. 2. Social functions of urban area

Под функцией в данном случае мы понимаем *определенное действие, направленное на удовлетворение каких-либо потребностей*. Например, предоставляя возможность индивидам объединяться, городская среда удовлетворяет потребность в безопасности, зависимости и любви. Восстанавливающие способности городской среды дают возможность реализовать потребность в самосохранении, развивающие – в познании и самоактуализации и т. д. В результате успешной реализации какой-либо потребности формируется значимая социальная ценность, которая позволяет городской среде сохранять устойчивость (удерживая необходимые качества городской среды, как бы предохраняя их от разрушения). Так, реализация социально-инклюзивной функции городской среды формирует у горожан ценность взаимоуважения и равенства. Она, в свою очередь, не допускает существования в границах города таких негативных явлений, как нетер-

пимость, национализм, религиозный экстремизм, гендерная дискриминация, эйджизм и т. п., что делает городскую среду более доступной и комфортной для горожан независимо от их пола, возраста, национальности, достатка и физических возможностей, *закрепляя ее социально-инклюзивные свойства*. Подобные примеры можно привести применительно к каждой из функций. Иными словами, *городская среда формирует у горожан определенные ценности, сложившиеся ценности поддерживают устойчивость городской среды* (как практическое воплощение идеи производства пространства А. Лефевра).

В таком случае *функциональность городской среды* – это оптимальный подбор ее характеристик, обеспечивающий поддержание баланса (гомеостаза) всей системы (города в целом). Исходя из существующих представлений об индивидуальных потребностях, *предложим функциональную матрицу городской среды*¹ (см. таблицу).

¹Мы понимаем, что такое разделение функций довольно условно, так как все они тесно связаны друг с другом, однако в качестве схематической иллюстрации функциональной наполненности городской среды считаем использование данной матрицы вполне уместным.

Функциональная матрица городской среды

The functional matrix of the urban environment

Функции		Социальная потребность	Формируемая ценность
Объединение	Коммуникативная	Соединение разрозненных элементов в единое целое	Социальность
	Социально-инклюзивная	Сокращение дистанции	Взаимоуважение и равенство
	Организационно-креативная	Активность и участие	Ответственность
Восстановление	Рекреативная	Биологическая, психологическая, социальная безопасность	Самосохранение
	Развлекательная	Радость, веселье, игра	Удовольствие
Развитие	Культурно-образовательная	Познание и самоактуализация	Самосовершенствование
	Социализирующая	Усвоение образцов поведения	Индивидуальность

Заключение

Городская среда может быть представлена как гетерогенное, неустойчивое образование, сложная, многоуровневая функциональная система, в основе которой лежит системообразующая функция – общий интерес (общий фактор). Устойчивость (гомеостаз) данной системы зависит от того, насколько точно учтены потребности горожанина как объекта воздействия городской среды. Важнейшими функциями городской среды по отношению к индивиду являются возможности объединения, восстановления и развития. При этом городская среда формирует у горожан определенные ценности, которые, в свою очередь, поддерживают устойчивость городской среды.

Использование структурного функционализма как методологической основы эмпирического измерения качества городской среды имеет ряд значительных преимуществ. Во-первых, позволяет оценить городскую среду в единстве материального и социального, преодолев ограничения урбанистических трактовок городских преобразований. Во-вторых, дает возможность рассматривать индивида не только как пассивного потребителя го-

родских благ и услуг, но как активный источник развития города, позволяя изучать не только саму дружелюбность городской среды как данность, но и агентов ее формирования и поддержания. В-третьих, позволяет изучать не только внешнюю, управляемую, публичную сторону городской жизни, но и повседневное взаимодействие между горожанином и городской средой. Кроме того, полученная функциональная матрица может стать основой построения универсальной системы принципов конструирования дружелюбной городской среды, а также критериев ее оценки.

В завершение стоит отметить, что, несмотря на волну критики структурно-функционального анализа и последующее за ней кардинальное переосмысление его основ во второй половине XX в., главное его преимущество – способность представить любой социальный объект как интегрированную во внешнюю среду, непрерывно саморазвивающуюся социокультурную систему, – сохраняется и сегодня. Особенно если речь идет об изучении такого сложного, многозначного и исключительно динамичного феномена, как город.

Библиографические ссылки

1. Чернова Е. Почему общественные пространства в России – это имитация урбанистики [Интернет]. 2014 [процитировано 11 ноября 2018 г.]. Доступно по: <https://www.the-village.ru>.
2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. Азапкович Т, Скуратов Б, переводчики. Москва: Логос; 2001. 416 с.
3. Soja EW. *Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory*. New York: Verso; 1989. 266 p.
4. Гейл Я. Города для людей. Токтонов А, переводчик. Москва: Альпина Паблицер; 2012. 276 с.
5. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. Мотылев Л, переводчик. Москва: Новое издательство; 2011. 512 с.
6. Петрофф Н. Urban Baby, или Перспективы культурно-исторического изучения раннего возраста в контексте американского городского социума. *Антропологический форум*. 2010;12:127–137.
7. Malone K. Children, youth and sustainable cities. *Local Environment*. 2001;6(1):5–12. DOI: 10.1080/13549830120024215.
8. Kearns R, Collins D. Crossing roads, crossing boundaries: autonomy, authority and risk in a child pedestrian safety initiative. *Space and Polity*. 2003;7(2):193–202. DOI: 10.1080/1356257032000133937.
9. Freeman C. Colliding Worlds: planning with children and young people for better cities. In: Gleeson B, Sipe N, editors. *Creating Child Friendly Cities*. London: Routledge; 2006. p. 69–85.
10. Child Friendly Cities Initiative [Internet]. 2019 [cited 2019 January 21]. Available from: <https://www.unicef.org.uk/child-friendly-cities/>.

11. International Association of Educating Cities [Internet; cited 2019 January 21]. Available from: <http://www.edcities.org>.
12. Батыгин ГС. Структурный функционализм Толкота Парсонса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2003;4–5:6–34.
13. Лефевр А. *Производство пространства*. Стаф И, переводчик. Москва: Strelka Press; 2015. 432 с.
14. Матвеева НМ. Общественные центры городов. *Архитектура СССР*. 1972;7:9–13.
15. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. Коганова ЗВ, редактор. Москва: АСТ; 2006. 873 с. Совместное издание с «Хранитель».
16. Лебедева ЕВ. Трансформация публичного пространства постсоветских городов. *Социология*. 2016;4:107–115.
17. Лебедева ЕВ. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности». *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017;20(1):74–92.
18. Глазычев ВЛ. *Урбанистика*. Москва: Европа; 2008. 220 с.
19. Малиновский Б. *Избранное: динамика культуры*. Николаев ВГ, Трубочкин ДП, Порус ВН, переводчики. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 464 с.

References

1. Chehernova E. [Why public spaces in Russia are an imitation of urbanism] [Internet]. 2014 [cited 2018 November 30]. Available from: <https://www.the-village.ru>. Russian.
2. Mumford L. *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The myth of the machine. Technics and human development]. Azapkovich T, Skuratov B, translators. Moscow: Logos; 2001. 416 p. Russian.
3. Soja E. *Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory*. New York: Verso; 1989. 266 p.
4. Gehl J. *Goroda dlya lyudei* [Cities for people]. Toktonov A, translator. Moscow: Alpina Publisher; 2012. 276 p. Russian.
5. Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The death and life of great American cities]. Motylev L, translator. Moscow: Novoe Izdatel'stvo; 2011. 512 p. Russian.
6. Petroff N. Urban Baby, or Perspectives of cultural and historical study of an early age in the context of American urban society. *Antropologicheskii forum*. 2010;12:127–137. Russian.
7. Malone K. Children, youth and sustainable cities. *Local Environment*. 2001;6(1):5–12. DOI: 10.1080/13549830120024215.
8. Kearns R, Collins D. Crossing roads, crossing boundaries: autonomy, authority and risk in a child pedestrian safety initiative. *Space and Polity*. 2003;7:193–202. DOI: 10.1080/1356257032000133937.
9. Freeman C. Colliding Worlds: planning with children and young people for better cities. In: Gleeson B, Sipe N, editors. *Creating Child Friendly Cities*. London: Routledge; 2006. p. 69–85.
10. Child Friendly Cities Initiative [Internet]. 2019 [cited 2019 January 21]. Available from: <https://www.unicef.org.uk/child-friendly-cities/>.
11. International Association of Educating Cities [Internet; cited 2019 January 21]. Available from: <http://www.edcities.org>.
12. Batygin GS. [Structural functionalism of Talcott Parsons]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 2003;4–5:6–34. Russian.
13. Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva* [La Production de l'espace]. Staf I, translator. Moscow: Strelka Press; 2015. 432 p. Russian.
14. Matveeva NM. [Space production]. *Arkhitectura SSSR*. 1972;7:9–13. Russian.
15. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Koganova ZV, editor. Moscow: AST; 2006. 873 p. Co-published by the «Khranitel'». Russian.
16. Lebedeva AV. Transformation of public space in post-Soviet cities. *Sotsiologiya*. 2016;4:107–115. Russian.
17. Lebedeva E. Public space in post-Soviet cities: sociability and «Crisis of publicity». *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2017;20(1):74–92. Russian.
18. Glazychev VL. *Urbanistika* [Urbanism]. Moscow: Europe; 2008. 220 p. Russian.
19. Malinowski BK. *Izbrannoe: dinamika kul'tury* [The dynamics of culture change]. Nikolaev VG, Trubochkin DP, Porus VN, translators. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2015. 464 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.07.2018.
Received by editorial board 28.07.2018.